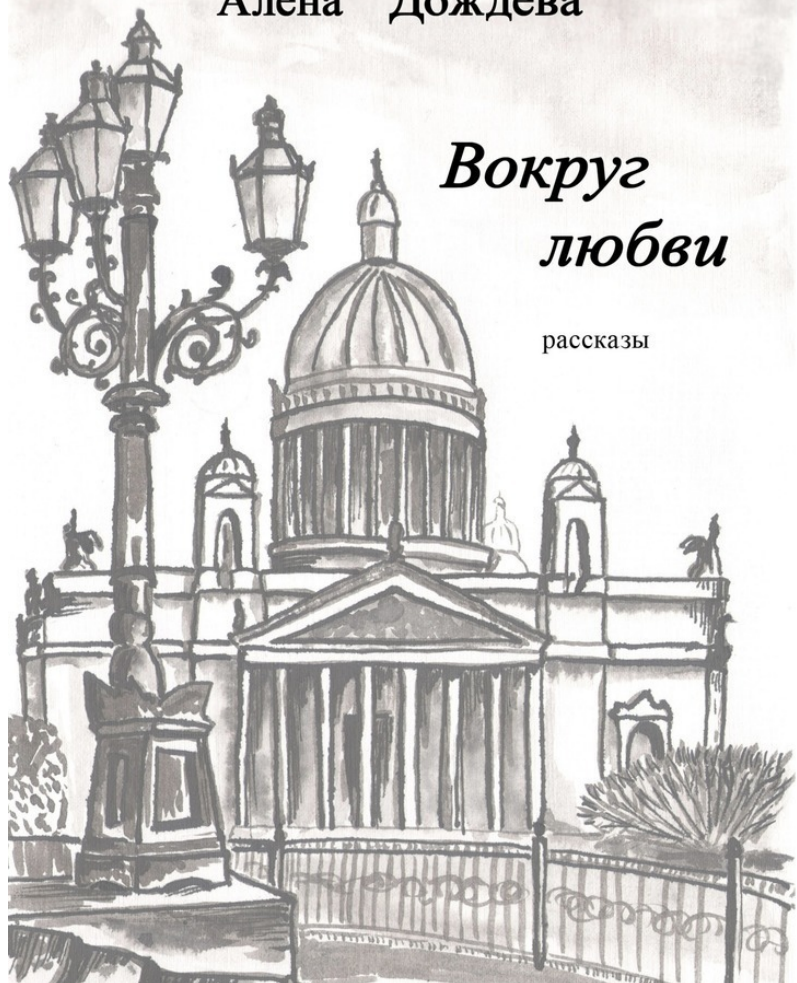

Алёна Дождева

*Вокруг
любви*

рассказы

Алёна Дождева

Вокруг любви. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28719504

ISBN 9785449021526

Аннотация

Наблюдая за посетителями одного кафе, можно многое узнать о жизни, о человеческих эмоциях, о верности, о страдании. Герои книги – обычные люди, решающие свои обыденные вопросы, ведущие беседы и скрывающие от себя самих истинные желания, душевную боль, тревогу. Книга помогает открыть читателю внутренний мир человека.

Содержание

Вокруг любви	5
Барменша	5
Без поворота	13
Табуретка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вокруг любви Рассказы

Алёна Дождева

Дизайнер обложки Наталья Елистратова

© Алёна Дождева, 2018

© Наталья Елистратова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2152-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вокруг любви

Барменша

Утро в сонной кофейне тянулось бесконечно. Волна первых ранних клиентов уже прошла, и Таня переключалась с салфеток с места на место, протирала чистую стойку, только чтобы не заснуть.

Последняя её радость от работы здесь исчезла: среднего роста мужчина, с дивными серыми глазами, который бывал в кофейне каждый день с утра. Она любовалась им, но не решалась даже спросить о чем-то большем, чем «не хотите ли попробовать новый банановый чизкейк?»

Таню раздражал этот набор обязательных фраз, которые нужно было произносить: добрый день, ваша сдача, не желаете ли пирожное, возьмите номерок, кофе вам принесут. Но как обученный попугайчик она их повторяла и улыбалась, потому что за исполнением правил крылось её повышение.

Правда, ещё никто и никогда не слышал, чтобы бармен стал управляющим, но ведь её взяли в бармены из официанток.

– Таня, там бумага закончилась в туалете, – сказала Наташа, которая работала всегда вторую смену, и они с ней плохо

ладили.

– А я тут причём? Иди к управляющему.

– Он ушёл куда-то.

Барменша тяжело вздохнула и потянулась к ящику за ключом от кладовой.

– Маша, – позвала она вторую официантку, проходившую мимо с подносом грязных чашек, – сходи до кладовки, дай Наташе бумаги.

Маша фыркнула, но ключи взяла.

– И ключи верни сразу, а то опять нам влетит за них.

– А то, – обронила, проходя та и скрылась за дверью в кухню.

«Скука, – думала Таня. – Его нет. Даже Кирилл его не видел. Может уйти отсюда. Хотя куда я пойду? Кто мне ещё даст такое расписание? А таскаться после офиса на учёбу, я точно не смогу».

Она училась на фармацевта по вечерам, и выходила в основном в утренние смены. Бывали и такие дни как сегодня, когда Кирилл, второй бармен, болел, и она работала целый день: с семи и до одиннадцати.

«Сегодня целый день здесь торчать. А завтра лаба по химии. Надо хоть утром в метро почитать учебник. И зачем меня только туда пихнули? Мама всё надеется, что я получу вышку».

В кафе зашла девушка в красной ветровке и джинсах. У неё был странная манера держаться: резкие движения,

в которых чувствовалась уверенность и сила. Волосы короткие, темные, но видно, что немного выются, необычный разрез глаз, как будто она была с севера.

«Какая странная девушка! Мужиковатая какая-то! Ещё встречается с каким-то южанином. Я сегодня политкорректна, как никогда. Смешно. Два глясе и капучино».

Таня подсматривала за девушкой, которая сидела одна и курила крепкие сигареты.

«Вот официантки почти все курят. Только я здесь, как белая ворона торчу. И подменить меня некому. Чизкейк и холодный чай. Когда уже починят эту чудо-машину. Лед весь колотый, как из мясорубки».

– Маша, принеси ещё десертов. Чизкейки и Черный лес.

Пышногрудая Маша кивнула и ушла.

«Теперь жди её. Пока не покурит и не напишет пару смс – не придёт. Ну, и черт с ней! Главное, чтобы принесла. Не тащится же мне туда самой».

Таня не очень любила бывать на кухне и заскакивала туда только съесть свой обед из пластикового контейнера. Их привозили горячими, но ей свой всегда приходилось разогревать повторно, потому что подменяющий её управляющий всегда бегал по каким-то своим делам.

Посетительница в красной ветровке хлопнула обеими ладонями по столу и встала. Таня посмотрела на неё. Но та, как ни в чем не бывало, вышла из кофейни.

«Странная. И пахнет от неё как-то: то ли бензином, то ли

соляжкой».

День тянулся. Через час или полтора начнут подтягиваться работники офисов и многочисленные студенты, которые любят засиживаться часами. Они занимают столики, чтобы обсуждать свои проблемы с преподавателями и перебивать кости сокурсникам. Таня жалела о том, что мало общалась с курсом, но с другой стороны она не видела удовольствия в том, чтобы трепаться часами, мусоля глупости

Появилась первая парочка студентов.

«Небось, свидание у них. Смешные такие. Два чиза, молочный коктейль и кофе с молоком. Бойкий парнишка. Только видно не нравится он ей. Без косметики совсем. Хотя рыжим хоть мажься хоть не мажься: всё одно – веснушки».

Посетителей явно прибавилось, и Таня успела заметить, как бойкий парнишка выскочил за дверь, а рыжая девушка осталась одна с двумя пирожными.

«За сигаретами что ли? Два сэндвича, бульон, кофе с молоком».

Когда наплыв закончился, и очередь рассосалась, официантки ушли обедать. Таня вышла из-за стойки и прошлась по залу. Сменила пару пепельниц и вернулась в свою крепость.

Почти напротив неё сидела парочка. Они не разговаривали. У девушки были очень худые руки. Таня видела, когда проходила мимо, что её пальцы дрожат. Девушка сидела прямо, вся вытянувшись, как струна, мужчина же, напротив,

был спокоен и курил.

«Может начальник её? Вон какое лицо строгое. А она может любовница? И он ей сказал, что не разведётся. Не представляю, зачем они на это подписываются? Он дымит ей прямо в лицо! Фу! Как она это терпит?»

– Иди, обедай, – сказала вернувшаяся Наташа и встала перед кассой.

Таня вытащила табличку «Технический перерыв». И топала в подсобку, всё ещё размышляя, как можно себе позволить быть чьей-то любовницей. Маша ей как-то хвасталась, что это безумно удобно и выгодно. Таня тогда сказала, что гордится здесь нечем, а та обиделась.

«Машка глупая. Он всё равно её бросит рано или поздно. А она уже привязалась. Не понимаю».

– Что у нас сегодня? – спросила Таня, разговаривая сама с собой и заглядывая в пластиковые порционные коробочки.

– Грибной суп, капуста и пюре с рыбной котлетой, – ответила ей Маша.

– А ты ещё здесь?

– Ой, да ладно! Уже и посидеть нельзя. Там Наташка.

– Толку с неё. Кто у нас в вечер сегодня?

– Ольга и новенькая. То ли Ася, то ли Аля. А ты до закрытия?

– Да. До упора.

– Не кисло! После выходных-то. Кирилл небось к родителям отчалил.

– Угу. В зал иди.

– Да, иду уже. Иду.

Маша ухмыльнулась и уплыла в зал. При всей своей полноте, которой она ничуть не смущалась, на неё всегда обращали внимание мужчины. В ней была женственность, плавность и доброта. Последнее было лишь маской для окружающих, и Таня это подтверждала себе ни раз.

После обеда её снова потянуло в сон и спасало только то, что регулярно заходили посетители.

Было уже около восьми, когда он зашёл в кофейню. Сердечко ёкнуло, и захотелось провалиться сквозь землю. Барменша зарделась, когда он подошёл к стойке. Он был странно одет сегодня: без обычного костюма, просто чёрная водолазка и джинсы.

– Двойной? – выдавила из себя Таня и улыбнулась.

– Да, как обычно, пожалуйста, – ответил он, ничего не замечая, и положил деньги на стойку.

Он занял место около окна. Таня жестами показала Ольге, что хочет отойти и сама понесла ему чашку.

– Добрый вечер! Вы давно не были у нас. Отдыхали?

Мужчина поднял на неё слепые, ничего не понимающие глаза.

– Извините, я думала, что вы куда-то уезжали. Вы давно не были у нас, – начала оправдываться она, смущаясь и краснея.

– Нет. У меня были... дела. Спасибо, – ответил он и по-

тянул на себя блюдце, которое она всё ещё придер-живала рукой.

Таня испуганно отдёрнула руку и сделала пару шагов от столика, но, передумав налету, повернулась и сказала:

– Меня зовут Таня. Если что-то нужно..., – она замолчала, ожидая ответа.

– Спасибо, Таня, – сказал он и тяжело вздохнув, усмехнулся.

И вдруг рассмеялся. Он хохотал так, как будто она рассказала ему неприличный анекдот. Таня остолбенела, покрылась пятнами, и, опомнившись только через минуту, бросилась бежать. Через кухню она пронеслась пулей, немало напугав мойщицу, и закрылась в туалете.

Её трясло.

– Ну, зачем он... Зачем он так, – повторяла захлёбываясь слезами она. – Зачем?

Когда она почти успокоилась, в дверь постучали.

– Таня! Таня, ты слышишь? У тебя там очередь! С тобой всё в порядке?

– Всё ли со мной в порядке? Всё ли в порядке? – шёпотом повторяла она, расправляя волосы под форменной шапочкой.

– Иду! Сейчас буду! – крикнула она Ольге через дверь и вновь всмотрелась в зеркало.

«Нет, я не выйду заплаканной. Он этого не увидит».

Когда она рискнула взглянуть в сторону того столика. Его

уже не было. К принесённой чашке он так и не при-тронулся.

«Дура я!»

– Девушка, будьте добры чай, молочный коктейль и четыре сэндвича.

Таня подняла голову, на неё смотрело улыбающееся лысое чудо с яйцеобразной головой:

– Что?

– Чай с мятой, клубничный молочный коктейль и четыре сэндвича с курицей.

– С курицей только три.

– Тогда один с ветчиной, – сказал он и снова улы-бнулся.

«Улыбчивый какой! Опять блюда закончились!»

– Я вам на одну тарелочку положу, хорошо?

Он кивнул и махнул ей рукой, а сам пошёл встречать каких-то своих друзей.

«Люди веселятся. Смеются. Что же я наделала? Нет. Нужно точно уволиться отсюда».

Без поворота

Лобовое стекло покрылось испариной. Рина приподнялась на локте и достала часы. Без пяти семь. Сладко потянувшись и зевнув, она перебралась на водительское кресло со спалки.

– До Питера ещё час шарашить. И час на метро. Пора в душ, – заключила она вслух и пустила осенний туман в кабину.

Вернувшись растрёпанная, с полотенцем на плечах, Рина была готова ехать: её короткие тёмные волосы подсохли, а в желудке плескался чёрный кофе. Она обошла свою Сканию вокруг, попинала колёса тягача и взяла на заметку, что надо их подкачать. Легко запрыгнула в кабину, пошарив в переносном холодильнике, соорудила бутерброд и, подстелив салфетку, положила его перед собой на приборную доску.

– Пока-пока, – помахала она рукой мотелю, в котором принимала душ, и поехала.

На въездном посту под Колпино её остановил гаишник.

– Новенький что ли? – шепнула себе под нос Рина и заглушила двигатель.

Захватив документы, легко спрыгнула на землю и направилась к молодому парню в форме.

– Доброе утро! Лейтенант Кондрашов. Проверка доку-

ментов.

Девушка кивнула и протянула папку.

– Так, Арина Сергеевна. Вы одна в машине? – лейтенант поднял свои бесцветные брови вверх.

– Да.

– Документы на груз, пожалуйста.

– Пустая я.

– Откройте.

Рина улыбнулась. Лейтенанта Кондрашова она здесь раньше не видела. Складывалось так, что первое время она собирала все посты ГАИ. Сотрудники удивлялись, увидев девушку за рулём, и всегда останавливали, знакомились. Некоторые подозревали, что она из тех девочек, которые работают на трассе, но увидев права и документы на машину, отпускали.

От здания поста к ним спешил полный капитан Виталик, которого Рина хорошо знала. Они познакомились ещё лет пять назад, он частенько просил её отвезти посылочку до брата, живущего в Верхнем Волочке.

– Ринка, привет! – улыбаясь, сказал капитан.

Девушка протянула ему руку.

– Привет, Денисыч! Я смотрю у вас тут пополнение?

– Да, прислали, – в его тоне промелькнула и гордость, и легкое презрение к лейтенанту. – Давно тебя не видно было.

– Да, ладно, – отмахнулась она. – Неделе две как тут была,

а потом всё по югам.

– А я, наверное, в отпуске был тогда. Вечерком заглядывай, кофейком угощу. Когда обратно?

– Сегодня видимо. Ты на сутках?

– Да, заступил.

– Тогда загляну.

Рина потянула из рук Кондрашова свои документы и подмигнула ему, посчитав, что прицеп открывать уже не надо.

До самых складов на Софийской она доехала без остановок. Сторож спал, и пришлось погудеть, чтобы открыл ворота. Рина поставила машину в дальний угол двора, чтобы не загораживать проезд другим. Задвинув шторы, переоделась в парадную одежду, как говорила когда-то бабушка.

Она часто бывала и в Санкт-Петербурге, и в Москве, но редко выбиралась в город. Её познания ограничивались только складами и КАДами. Сегодня ей назначили встречу на Петроградке, и она решила совместить её с прогулкой. Первый раз она попала в Питер с мамой, которая привезла сюда свой класс с экскурсией. Как учитель истории, она хотела закрепить материал наглядно. Рина в тот год закончила десятый.

Под конец поездки она уже была влюблена в студента ЛЭТИ второго курса и готова была сбежать от матери и остаться с ним, но подоспела телеграмма о том, что бабушку парализовало, и побег отменился.

Рина всё ещё помнила, какие они – белые ночи, какой он

Питер. Выйдя из Горьковской, она, не спеша, через парк отправилась на Заячий остров, через двор Петропавловки, потом вдоль зоопарка и по Введенской к Большому проспекту. Маленький круг почёта памяти.

Кафе для встречи выбирал Арсен, то ли он жил здесь недалеко, то ли по иным причинам. Эта была одна из сетевых кофеен Питера. Кормили в ней скудно – сэндвичами и мороженым, но Рина не побрезговала и этим.

Арсен был выходцем из Абхазии. Занесло его в Питер не случайно, он торговал фруктами, которые ему поставляли родственники и друзья. Фрукты – товар привередливый и нежный, потому Арсен предпочитал нанимать её, зная, что за особые деньги и особый подход к товару будет.

Было больше десяти, когда Арсен, расплываясь в улыбку, бодро пошагал к её столику.

– Давно тебя не видно было у нас! Здравствуй!

По-русски он говорил без акцента, и только внешность выдавала в нём южанина.

– Да, меня все по югу мотало. Жаркая пора.

Разговор поплыл своим руслом. Как дела? Как жена? Как дети? Что повезем? Куда? Где грузим? Какие сроки? С ним было легко и приятно иметь дело. Его почтительное отношение к Рине, всегда её умиляло. Казалось, с его лица никогда не уходила улыбка, от чего оно становилось морщинистым, как высохшее яблоко. Договорились, что она поставит через пару часов машину на погрузку, а завтра с утра в путь тро-

нется. Все как обычно: туда – водку, оттуда – фрукты, за скорость доплата.

Мелодичный восточный мотив из его мобильного прервал разговор. Он мельком взглянул на экран и засуетился:

– Я бегу-бегу...

Положил на стол тысячную купюру и сказал:

– Угостись чем-нибудь. Пока-пока.

Рина пожала ему руку и осталась, допивать кофе. В голове крутились воспоминания. Она спрашивала себя, где та девочка, что радостно смотрит со старых фото-графий, расклеенных по кабине, где та женщина, что упи-валась свободой, когда села за руль своего первого грузовичка и начала зарабатывать больше мамы в десятки раз, где то ощущение, что все по плечу?

Прохожие спешили на работу, учёбу, встречи, она наблюдала за ними и думала, что спешит она из города в город, но ни в одном из них её ведь никто не ждёт. Ждут груз, но не её. Кому она нужна?

Где-то там в Подмосковье есть мама – она всегда ждёт, но в сезон Рина в лучшем случае успевала заехать на обед, если проезжала днём мимо. Детей и мужей у неё не завелось, как у одноклассниц, которые не раз говорили, что у неё проблемы с женственностью.

Но откуда её брать, где ей учат? Дальнобойщики да гаишники – плохие учителя в этом деле. А дома... Когда парализовало бабушку, мама могла лишь плакать, а Рина ухаживала

за обеими: кормила, мыла, купала, давала лекарства. Сначала забросила учёбу, после смерти бабушки уехала автостопом в Магадан. Вернувшись, поступила в путягу и с боем получила корочки водителя грузового транспорта. Работала на дядю, на старом грязном Камазе, пока не продала бабушкину дачу и не купила газель. Частный извоз стал для неё специальностью.

Ей на минуту показалось, что теперь в ней нет того огня, уверенности, что она сможет всё решить. Она завидовала себе той, что сбегала ночью на свидания по сказочному Питеру в объятья почти к незнакомому человеку, что проехала через всю страну на перекладных и вернулась.

Если бы она умела плакать, то рыдала бы, наверное, каждую ночь.

За окном промелькнула высокая худощавая фигура. «Точь-в-точь как он», – подумала Арина, когда поняла, что обозналась. Вот только он вряд ли остался таким же. Всё меняется.

Времени было достаточно, но ей не хотелось оставаться здесь. Она поспешила к машине и проспала все три часа погрузки. Её ожидала ночная дорога.

Но на этот раз сон не вылечил её душу, как бывало. Мысли всё теми же черными камнями стучали по вискам. Она ехала, выключив сибишку* и радио, в полном одиночестве.

Закрыла глаза, открыла, а мир не изменился. Он даже не думал меняться. Казалось, он застыл, надел на себя маску

безучастия. Все та же дорога, всё та же машина и всё-то же плюшевое солнышко на стекле.

Дума о том, что счастье где-то рядом, за поворотом никогда раньше не посещала её больную голову, видимо, потому что на трассе нет крутых поворотов. Она привыкла так жить. Но если выходить в город, если заглядывать в легковые машины с детскими креслами, что-то ойкало, и привычка становилась в тягость.

В глазах стояли слезы. Мир начал меняться. Он расплылся, и соленые капли поползли по щекам. В этом мире что-то изменилось. Фонари ближайшей деревни превратились в звезды, а губы дрожали и впитывали в себя соль.

Она приняла решение, ведь она сильная. Мир для неё не похож на набор шаблонов. Он изменился для неё. И не важно, чем закончиться эта дорога, ведь сейчас она имеет то, о чем мечтала – свободу. А счастье есть только у тех, кто его отпускает в путь.

*Сибиска – автомобильная рация, которые используют дальнбойщики.

Табуретка

Саша споткнулась о табуретку правой ногой и больно ударилась лодыжкой. Несчастливая трехногая мебель с грохотом упала и развалилась на четыре части. Теперь ножки и сиденье, покрытое пятнистой мягкой накидкой, зажали каждая своей жизнью. Саша ещё помнила, как мама, будучи жива, шила на табуреты эти накидки, выкроив их из старого плюшевого халата, извлечённого из обитого железом бабушкиного сундука. Она бережно стирала их руками перед каждой Пасхой. Это было ещё до того, как она попала в больницу первый раз. Из тех трёх табуретов остался один и тот развалился от сашиной неуклюжести.

Он был единственным предметом мебели в её кухне, который напоминал ей детство и маму, вечно сидевшую на нем за едой. И его, наверное, давно стоило выкинуть, но не хватало смелости и наглости.

Девушка почесала ногу и разрыдалась. Причин для истерики у неё не было, а плакать очень хотелось, поэтому боль и сломанный табурет помогли. На шум и крик прибежал кот. Её большой, кастрированный рыжий Бегемотище с маленьким белым пятном на шее.

Кот здраво оценил ситуацию и решил ретироваться, как можно скорее, чтобы не стать крайним при разборе полетов. Не смотря на всю его индифферентность к хозяйке и не при-

частность к происшедшему, он чуял кончиком хвоста, что влетит, в конечном счете, именно ему, потому как Саша всегда находила его виноватым во всём. Он был единственным живым существом в доме, которому доставались упрёки, потому что жили они вдвоём.

Хозяйка сидела на корточках у разбитого друга из детства и причитала:

– Ну, почему именно сегодня тебе нужно было развалиться? Без тебя проблем навалом, так теперь еще и жить без посадочного места. Ну, куда я теперь с этими запчастями, я даже молоток в руках держать не умею.

Её коротенькие домашние бриджи покрывались мокрыми пятнами от крупных слез, падающих на тонкий желтый шёлк, а короткая курточка пижамы распахнулась и не прикрывала красивую грудь второго размера. Саша не любила переодеваться, а в выходные могла ходить целый день в том, в чем проснулась. Она даже не причесывала свои темно-рыжие пышные кудри и не умывала голубых глаз.

Вскоре она перестала говорить и просто захлебывалась дыханием, растирая остатки соли по лицу.

Саша вот уже четыре года жила одна. Мама умерла скоропостижно после двух подряд инфарктов, и девочка пятнадцати лет осталась в двух комнатной квартире. Отца она своего не знала и до похорон не видела ни разу. Он пришел в церковь на отпевание, седой, подтянутый, в старом кожаном плаще и потертой фетровой шляпе с обвислыми полями,

закрывающими лицо, протянул ей конверт с деньгами, поцеловал покойницу в лоб и, ничего не сказав, удалился. Тетка Наталья потянула Сашу за рукав и прошипела в самое ухо:

– Отец это твой!

– Ага, – оторопело согласилась та и шмыгнула носом, потому как плакать от скопившихся обид за последние трое суток уж не могла.

Поначалу за ней присматривали родственники, всё больше тетка Наталья, но после поступления в институт, она была предоставлена сама себе, и даже тетка, которая обещала появляться раз в неделю, про неё окончательно забыла. Она родила второго ребёнка, и ей стало не до студентки Саши, пусть и племянницы. Она раз или два в месяц приходила, проверяла всё ли в порядке и ругала девушку за отсутствие денег, которые она умудрялась тратить за неделю. Ей ежемесячно полагалось нечто вроде пособия, которое переводил отец на банковскую карту.

Впрочем, в восемнадцать её уже не расстраивало отсутствие опеки. Она обрезала свои тяжелые волосы на модный манер и перетаскала к себе в квартиру всех мальчиков с курса. Они приносили вино, конфеты, иногда полуфабрикаты и сосиски, которыми она и питалась из-за простоты в приготовлении.

Ко второму курсу Саша осознала, что вместе с девственностью где-то потеряла и совесть, и скромность, и веру в людей. Дом, поддерживаемый столько лет мамой, начал вет-

шать и покрываться трехсантиметровым слоем пыли по углам. А тут еще и любимая одна из трёх табуреток решила развалиться на отдельные кусочки. Наверное, у неё еще были шансы на вторую жизнь, но как её починить Саша не представляла.

Сидя на полу кухни, прислонившись к, заляпанному жирными руками, холодильнику, она размышляла о том, какими силами можно восстановить своё душевное равновесие и спасти табуретку.

Единственной кандидатурой на роль восстановителя мебели был Андрей, её любовник. Он был женат, но это не мешало им встречаться в её квартире и проводить бесконечное количество часов под одеялом. Он обладал уникальной способностью её смешить и заговаривать зубы, даже когда она была рассержена на него, а сердилась она по-детски и часто, считая это правильным. Его черные с хитринкой глаза были глубоко посажены в череп и, как будто подглядывали из-под лохматых русых бровей, а руки его были похожи на надутые резиновые перчатки, которые надевала на банки с брагой бабушка. Они надувались, как воздушные шары, и, казалось, вот-вот лопнут. Весь в целом он был, как Винни-пух: низкорослый, пухлый, с перекатывающейся походкой.

Андрей не звонил почти неделю, но это не вызывало у Саши беспокойства, потому как он мог не появляться и по три недели, иногда действительно уезжая в командировки. По своему обыкновению, он сваливался ей на голо-

ву сразу из аэропорта, продлевая тем самым для своих семейных отлучку. Сама она никогда ему не звонила и не писала смсок, потому что однажды подслушала разговор тётки Натальи с подругой о том, что девушка должна быть гордой и звонить самой не достойно женщины.

– Та-а-ак... – протянула вслух девушка, – будем действовать осторожно. Сначала пусть появится, а потом я его и попрошу... – на губах появилась улыбка.

Казалось, что Саша замышляет, как минимум, совращение малолетнего мальчика или женитьбу на олигархе. В её голове редко помещались мысли дороже двух бутылок крымского шампанского, которое она пробовала всего раз в жизни на чьём-то дне рожденье, и хорошо знающие её люди, часто подшучивали над её недалёкостью, заставляя краснеть до самых мизинчиков. Краснеть же она умела безукоризненно со своей тонкой веснушчатой кожей.

Как по мановению волшебной палочки зазвонил телефон, но к сожалению, это был не Андрей, а всего лишь сосед. Двадцатидвухлетний программист, который обещал провести Саше интернет почти за бесплатно, всего лишь за некие сексуальные услуги. Она сомневалась, а стоит ли того интернет, ведь пользоваться им она еще не умела. Обговорив условия сделки и назначив встречу с соседом на нужный час, она собрала остатки несчастной табуретки и сложила их под обеденный стол.

Андрей появился через пять дней. Был воскресный вечер,

который Саша проводила перед телевизором. Принес вина, курицу-гриль и кучу сладостей, не надеясь на то, что в доме у Александры есть хоть какая-то еда.

– Андрюха! – кинулась она ему на шею. – Где тебя опять носило?

– В Африке! Охотился на морских звёзд в Красном море!

– Шутишь!

– Я предельно серьезен, моя прелесть! Я поймал одну звезду и двух крабов на большой палец левой ноги.

– Ой!

– Да! Теперь я немного покусан, но также непобедим. Надеюсь, ты голодна?

– Я всегда голодна, ты же знаешь, – посетовала она, и понеслась вслед за ним на кухню.

– Ага! – радостно завопил он с самого порога. – Она-таки развалилась! И теперь мы сможем её выкинуть, чтобы она не смущала в дальнейшем нашего эстетического вкуса своей ободранной леопардовой ветошью.

– Да, как ты можешь! – возмутилась Саша. – Это же мамина, любимая табуретка. Я ни за что её не выкину! Её нужно склеить! А накидушку постирать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.